

Маяковский Владимир Владимирович

Про это

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Владимирович М.**
Про это / Маяковский Владимир Владимирович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 64 с.

ISBN 978-5-519-95872-1

ISBN 978-5-519-95872-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРО ЭТО:

ПРО ЧТО — ПРО ЭТО?

В этой теме
и личной
и мелкой
перепетой не раз
и не пять
я кружил поэтической белкой
и хочу кружиться опять.
Эта тема
сейчас
и молитвой у Будды
и у негра вострит на хозяев нож.
Если Марс
и на нем хоть один сердцелюдый,
то и он
сейчас
скрипит
про то-ж.
Эта тема придет,
калеку за локти
подтолкнет к бумаге,
прикажет:
скреби!

И калека
с бумаги
срывается в клёкоте
только строчками в солнце несня рябит.
Эта тема придет,
позвонится с кухни,
повернется,
сгинет шапченкой гриба —
и гигант
постоит секунду
и рухнет
под записочной рябью себя погребя.
Эта тема придет
прикажет:
—Истина!—

Эта тема придет
велит:

—Красота!—

И пускай
перекладиной кисти раскистены
только вальс под нос мурлычешь с креста.
Эта тема азбуку тронет разбегом—
уж на что б казалось книга ясна? —
и становится

—А—

недоступней Казбека.

Замутит
оттянет от хлеба и сна.

Эта тема придет,
вовек не изнашивается,—

только скажет:
отныне гляди на меня!

И глядишь на нее
и идешь знаменосцем
красношелкий огонь над землей знаменя.
Это хитрая тема!

Нырнет под события,
в тайниках инстинктов готовясь к прыжку, --
и как будто ярясь.

—посмели забыть ее!—

затрясет;
посыпятся души из шкур.

Эта тема ко мне заявила гневная,
приказала:

—Подать
дней удила!

Посмотрела скривясь в мое ежедневное
и грозой раскидала людей и дела.

Эта тема пришла,
остальные оттерла

и одна
безраздельно стала близка.

Эта тема ножом подступила к горлу
Молотобоец!

от сердца к вискам.

Эта тема день истемнила в темень,
колотись—велела—строчками лбов.

Имя

этой
теме:

.....!

I.

БАЛЛАДА РЕДИНГСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Стоял — вспоминаю.

Был этот блеск.

И это,

тогда,

называлось Невой.

Маяковский. „Человек“.

(13 лет работы, II т., стр. 77).

О балладе Не молод очень лад баллад, —
и о балладах. но если слова болят
и слова говорят про то что болят
молодеет и лад баллад.
Лубянский проезд.
Водопьяный.
Вид

вот.

Вот

фон.

В постели она.

Она лежит.

Он.

На столе телефон.

„Он“ и „она“ баллада моя.

Не страшно нов я.

Страшно то

что „он“ это я

и то что „она“ —

моя.

При чем тюрьма?

Рождество.

Кутерьма.

Без решеток окошки домика!

Это вас не касается.

Говорю — тюрьма.

Стол.

На столе соломинка.

По набелю Тронул еле — волдырь на теле.

пущен номер. Трубку из рук вон.

Из фабричной марки — две стрелки яркие
омолниили телефон.

Соседняя комната.

Из соседней

сонно:

• Когда это?

откуда это живой поросенок?
Звонок от ожогов уже визжит;
добела раскален аппарат.
Больна она!

Она лежит!

Беги!

Скорей!

Пора!

Мясом дымясь, сжимаю жжение.
Моментально молния телом забежала.
Стиснул миллион вольт напряжения.
Ткнулся губой в телефонное пекло.
Дыры

сверля
в доме,

взрыв

Мясницкую
нашей,

рвя

кабель,
номер

пулей
летел

барышне.
Смотрел осовело барышнин глаз.
под праздник работай за двух. —
Красная лампа опять зажглась.
Позвонила!

огонь потух.

И вдруг

как по лампам пошло куралесить,
вся сеть телефонная рвется на нити. —
67 — 10!

Соедините!

В проулок!

Скорей!

Водопьяному в тишь!

Ух!

А то с электричеством станется —
под Рождество
на воздух взлетишь —
со всей

со своей
телефонной
станцией.

Жил на Мясницкой один старожил.

Сто лет после этого жил —

В постели она, она лежит, —
Он.
На столе телефон.

про это лишь —
 сто лет! —
 говаривал детям дед.
 Было — суббота...
 под воскресенье...
 Окорочек...
 Хочу, чтоб дешево...
 Как вдарит кто-то!..
 Землетресенье...
 Ноге горячо...
 Ходун — подошва!..
 Не верилось детям,
 чтоб так-то
 да там-то.
 Землетрясение?
 Зимой?
 У почтамта?!

Телефон бро- Протиснувшись чудом сквозь тоненький шнур,
сается на всех.

раструба трубки разинув оправу,
 погромом звонков грома тишину
 разверг телефон дребезжащую лаву.
 Это визжащее,
 звнящее это, —
 пальнуло в стены,
 старалось взорвать их.
 Звончички
 тыщей
 от стен
 рикошетом
 под стулья закатывались
 и под кровати.
 Об пол с потолка звончице хлопал.
 И снова
 звнящий мячище точно
 взлетал к потолку ударившись об пол
 и сыпало вниз дребезгою звончичой.
 Стекло за стеклом
 вьюшку за вьюшкой
 тянуло
 звенеть телефонному в тон.
 Тряся
 рученочкой
 дом погремущу
 тонул в разливе звонков телефон.
Секундантша. От сна
 чуть видно
 точка глаз
 иголит щеки жаркие —

ленься кухарка поднялась
идет

кряхтя и харкая.
Моченым яблоком она.
Морщинам мысли лоб ее.
Кого?

Владим Владимыч?!
А!

Пошла туфлю шлепая.
Идет.
Отмеряет шаги секундантом.
Шаги отдаляются...

Слышатся еле...

**Просветление
мира.**

Весь мир остальной отодвинут куда-то
лишь трубкой в меня неизвестное целит.
Застыли докладчики всех заседаний,
не могут закончить начатый жест.
Как были,

рот разгнув

сюда они

смотрят на Рождество из Рождеств.

Им видима жизнь

от дрызг и до дрызг.

Дом их

единая будняя тина.

Будто в себя

в меня смотрясь

ждали

смертельной любви поединок.

Окаменели сиренные рокоты.

Колес и шагов суматоха не вертит.

Лишь поле дуэли

да время доктор

с бескрайним бинтом исцеляющей смерти.

Москва —

за Москвой поля примолкли.

Моря —

за морями горы стройны.

Вселенная

вся

как будто в бинокле

в огромном бинокле (с другой стороны).

Горизонт распрямился

ровно ровно.

Тесьма.

Натянут бичевкой тугой.

Край один:

я в моей комнате, —